

гато, что его нельзя передать во всей его жизни, во всей благоуханной свѣжести его поэзии, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической рѣчи своими поэтическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе читателей на эпиграфъ поэмы изъ Лермонтова:

„И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно“.

Этотъ эпиграфъ выбранъ авторомъ не въ исполненіе давно заведеннаго обычая заманивать любопытство читателей загадочнымъ смысломъ чужой рѣчи; нѣтъ, стихъ Лермонтова, какъ мы увидимъ, находится въ живой связи со смысломъ цѣлой поэмы и столько же служить объясненіемъ поэмѣ, сколько и самъ объясняется ею. Поэма начинается описаніемъ помѣщичьяго дома съ безобразней наружностью, съ садомъ, похожимъ на огорождъ, но съ гротомъ, который любила посѣщать героиня поэмы.

Ея отецъ — помѣщикъ беззаботный,
Сперва служилъ — и долго; наконецъ,
Въ отставку вышелъ — и супругой плотной
Обзавелся: теперь большой дѣлецъ!
Живетъ въ ладу съ своими мужичками...
Онъ очень добръ и очень плутовать,
Торгуется и пьетъ чаекъ съ купцами.
Какъ водится его супруга — кладъ,
О, суцій кладъ! и умища кака!
А женщина она была простая
Съ лицомъ, весьма похожимъ на пироги;
Ее супругъ любилъ какъ только могъ.

Дочери этой достойной четы никто не называлъ бы красавицей, но она была стройная, походка ея была легка и плавна, прекрасная нога ловко обута, и если рука была немного велика, зато пальцы были прозрачны и тонки.

Ея лицо мнѣ нравилось... оно
Задумчиво грустнѣе дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало...
И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно:
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

Но глаза больше всего въ Парашѣ нравились автору —

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ —
Но не блестятъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнуть горделивымъ,
То чуть блистало, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойный
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной —
Залогъ души, любимой Божествомъ.

Она была не безъ странностей, свойственныхъ «уѣзднымъ барышнямъ»; но не имѣла ничего общаго съ восторженными дѣвками, мечтательницами и охотницами до сладенькихъ стишковъ:

Она была насмѣшлива, горда,
А гордость — добродѣтель, господа...

Здѣсь мы находимся въ болыпомъ затрудненіи: поэтъ такъ увлекательно, такъ поэтически описываетъ внутреннюю тревогу дѣвственной души своей героини, что намъ совѣстно было бы пересказывать это нашей убогой прозой, а выписывать стихи — значитъ переписывать всю поэму... Но это такъ хорошо, что нѣтъ возможности не выписать.

Каждый день,
Я вамъ сказала — она въ саду скиталась:
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ — и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую тѣнь.
Такъ весело качались березы,
Облитыя сверкающимъ лучемъ...
И по щекамъ ея катились слезы
Тамъ медленно — Богъ вѣдаетъ о чемъ.
То подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... но глядѣть,
Бывало, все на бѣдный рядъ ракъ.
Тамъ черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Въ верстахъ пяти, дорога шла большая;
И, какъ змѣя, свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ украдкой огибая,
Ея всю душу за собой влекла.
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ.
Земля чужая вдругъ являлась ей...
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
Таинственной исполненные мужи,
Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ — высокихъ, пышныхъ горъ
И топей, и трепетныхъ оливокъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальней...
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнилъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ,
И надъ собой дивится — и съ улыбкой
Себя бранитъ; и медленно домой
Пойдетъ, вздохнувъ... то сломить прутья
гибкой.

То броситъ вдругъ... разбѣянной рукой
Достанетъ книжку — развернетъ, закроетъ,
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце поетъ.
Лицо блѣднѣетъ... въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ.
О, барышня моя! Въ тѣнѣ густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
Вдыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышите — вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозой,
Какъ майская томительная ночь.

Кто получилъ отъ природы благодатную способность понимать поэзію, какъ поэзію, — не въ однихъ стихахъ, не въ однихъ книгахъ, но и въ жизни, и въ природѣ, — тѣ согласятся съ нами, что въ этомъ отрывкѣ каждое слово такъ и дышитъ всей роскошью, всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи.

Есть два рода поэзіи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостью красокъ, той рѣзкой угловатостью формъ, которые мечутся въ глаза толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ